

ПОПОВ М.В.,
профессор по кафедре экономики и права,
президент Фонда Рабочей Академии, представитель журнала Российской
коммунистической рабочей партии «Советский Союз»

ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ПРОИЗВОДСТВА В ПРОЦЕССЕ СТРОИТЕЛЬСТВА И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗМА

Производство, как известно, есть процесс присвоения предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее. Теория и история знают следующие сменяющие друг друга способы производства: первобытнообщинный коммунизм, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и коммунистическое производство. Товарное производство появляется уже с разложением первобытнообщинного коммунизма, но только капитализм может быть охарактеризован как всеобщее товарное хозяйство, как товарное хозяйство на том этапе его развития, когда и рабочая сила становится товаром. Капитализм — это хозяйство, товарное по своему характеру. Всякое производство в качестве своей предпосылки имеет потребности и в качестве конечного результата — потребление. Но непосредственной целью товарного производства является не потребительная стоимость, а стоимость, поскольку товар — это продукт, производимый для обмена. Непосредственной целью капиталистического товарного производства является прибавочная стоимость. То обстоятельство, что капиталистическое производство имеет развитый общественный характер, порождает противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением. Отношения обмена противоречат общественному характеру производства и в результате социалистической революции в ходе переходного периода от капитализма к коммунизму отмирают и заменяются непосредственно общественными отношениями. Труд в коммунистическом производстве не посредством обмена, а *непосредственно* выступает как общественный труд, а само коммунистическое производство характеризуется как *непосредственно общественное* и является таковым как в своей высшей, так и в низшей фазе — при социализме.

Диалектический подход к историческому опыту Социалистической революции в России, построения и развития социализма в СССР позволяет проследить, как меняется характер производства при переходе к коммунизму и воспроизводится в процессе развития социализма как первой фазы коммунизма.

Переход власти в руки рабочего класса, установление диктатуры пролетариата сами по себе еще не меняют характера производства. Только после национализации создается социалистический уклад, производство в рамках которого носит непосредственно общественный характер, и этот уклад в течение переходного периода сосуществует с другими укладами. В России такими укладами были госкапиталистический, частнокапиталистический, мелкотоварный и патриархальный.

Патриархальное производство является производством для собственного

потребления и носит натуральный характер.

Мелкотоварное производство есть производство для обмена и носит товарный характер.

Частнокапиталистическое производство тоже, разумеется, как производство стоимости (прибавочной) должно быть охарактеризовано как товарное по своему характеру.

Особо следует сказать о государственном капитализме, который использовался в период новой экономической политики в России. Дело в том, что известный период после национализации только часть национализированных предприятий удается планомерно направить непосредственно на удовлетворение нужд общества. И вот эта, и только эта, часть образует социалистический уклад. Все же остальные национализированные предприятия, хотя и находятся в собственности государства, продолжают управляться не планом, а основным законом всякого товарного, а потому и капиталистического хозяйства — законом стоимости. Соответственно производство в рамках госкапиталистического уклада носит товарный характер.

В рамках переходного периода социалистический уклад, развиваясь, постепенно вытесняет все другие уклады. Непосредственно общественное планомерно организованное социалистическое производство из уклада становится сначала господствующей, а потом и единственной формой производства. В СССР произошло то, что и предвидел В.И. Ленин в своей Речи на Пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 года, говоря: «из России нэповской будет Россия социалистическая» (В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 309).

Процесс вытеснения несоциалистических укладов, который идет в переходный период, может быть обрисован фразой: «Больше социализма!». Однако собственно к социализму как первой фазе коммунизма эта фраза неприменима, поскольку после того, как социалистическое производство стало не только господствующим, но и единственным, социализма не может быть больше, а он может быть более или менее развитым. Развитие же не сводится к увеличению или уменьшению, а идет через борьбу противоположностей. Это относится и к развитию социалистического производства через борьбу его непосредственно общественного характера с товарностью как отрицательным моментом социалистического производства, связанным с его выхождением из капитализма. Борьба эта в планомерно организованном хозяйстве напрямую зависит от теоретических позиций и политических установок государства и правящей партии. Анализ уроков становления, развития и временного поражения социализма показывает, что важнейшими причинами ослабления социализма и временной утраты его завоеваний были следующие.

Большинством правящей партии, большинством рабочего класса и большинством народа не был осознан советский принцип организации рабочей власти как власти, формируемой в трудовых коллективах, не было понято, что Советы — это организационная форма диктатуры пролетариата.

Советский характер власти был вроде бы юридически закреплен, но лишь по форме, а не по существу. Слово Советы стояло и в Конституции РСФСР 1918 г., и в Конституции СССР 1924 г., однако избрание депутатов через трудовые коллективы, что только и делает избираемые органы Советами, не было в этих основополагающих документах закреплено.

Организация власти не была увязана с организацией экономической жизни общества таким образом, чтобы с развитием экономики социализма соответственно укреплялись бы и материальные основы участия непосредственных производителей в формировании и осуществлении своей власти.

В связи с принятием Конституции СССР 1936 г. фактически действовавший принцип избрания и отзыва депутатов трудовыми коллективами был заменен несвойственным для Советов территориальным. Сохранилось лишь выдвижение коллективами кандидатов в депутаты.

После XX и XXII съездов КПСС, которые стали поворотными пунктами для обеспечения господства оппортунистической и ревизионистской линии в политике и экономике СССР, экономической реформой 1965 г. принцип работы на общество и удовлетворения потребностей всех его членов был заменен принципом максимизации прибыли отдельных производственных единиц. Тем самым стала размываться и подрываться экономическая основа социализма. Этим во многом объясняется недостаточность масштабов активного сопротивления ликвидации рабочей власти.

Социализм разрушился в конечном итоге из-за того, что был взят и стал последовательно осуществляться так называемый курс на рынок и приватизацию. Этот по сути антисоветский и антипартийный курс, принятый апрельским пленумом ЦК КПСС 1991 года, привел к ликвидации КПСС и СССР.

К чести советской экономической науки следует отметить, что данный губительный для страны курс не был одобрен ни одной научной экономической конференцией. Более того, достаточно громко и отчетливо звучали голоса тех экономистов, кто отстаивал непосредственно общественный характер социалистического производства и предупреждал, что попытки построить социализм на товарной основе равносильны его уничтожению. Это достаточно ясно было показано в работах Н.В.Хессина, А.М.Еремина, Н.А.Цаголова, Н.А.Моисеенко, А.К.Покрытана, А.А.Сергеева, В.Я.Ельмеева, В.Г.Долгова, Р.И.Косолапова и других. Поэтому предательская горбачевско-яковлевская верхушка партии могла опереться только на отдельных проходимцев от экономической науки, чтобы попытаться навязать партии и стране разрушительный курс помимо его хотя бы внешнего научного обоснования. Принятие XXVIII съездом КПСС курса на рынок пришло в вопиющее противоречие с ее коммунистической природой и означало по существу ее самоубийство. Поэтому незаконная приостановка деятельности КПСС президентским указом по существу лишь подвела итог ее перерождению. Тем более, что подписал указ выросший в недрах партийного аппарата махровый номенклатурщик, бывший первый секретарь сначала Свердловского обкома, затем Московского горкома, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

На горьком опыте разрушения страны и обнищания народа вполне осознается теперь ошибочность широко распространенных представлений, будто на основе товарного производства и закона стоимости можно построить социалистическое общество.

А ведь разжевывал же К. Маркс и не раз ту мысль, что на основе стоимости и денег невозможен контроль объединенных индивидов над своим производством, что речь должна идти о производстве, диаметрально противоположном товарному.

Ф. Энгельс высмеивал попытки Дюринга построить социализм на основе «справедливого» обмена товарами и конституированной стоимости.

В.И. Ленин в замечаниях на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» (XI Ленинский сборник) не случайно подчеркивал, что продукт при социализме идет в потребление *не через рынок*. В «Наказе от СТО местным советским учреждениям» он разъяснял, что государственный продукт, продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром.

После осуществления коллективизации у нас стало не две собственности, а две формы одной, общественной собственности, две формы подчинения производства единым общественным интересам, и встречное движение общественного продукта между городом и деревней уже нельзя было, строго говоря, подводить под категорию товарного обмена, который есть взаимное отчуждение продуктов труда и иных объектов собственности на основе свободного договора или соглашения. Сущность производства стала противоположной товарной. Она стала непосредственно общественной, и в каких бы являющихся формах, заимствованных во многом из товарного прошлого и несущих в себе черты и моменты товарного содержания, эта сущность ни выступала, производство в целом нельзя было уже характеризовать иначе как непосредственно общественное, продукт которого и труд в котором не посредством обмена, а непосредственно, с самого начала выступают и являются общественными.

И. Сталин в целом придерживался этих марксистско-ленинских позиций. Он развил их в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Однако в этой книге проявил и непоследовательность. Так, подчеркнув, что средства производства не являются товарами, он объявил товарами предметы потребления. Но тогда получалось, что сущность социалистического производства — дуалистическая, нетоварно-товарная. Если предположить, что предметы потребления — товары, то они, выходит, производятся не для удовлетворения потребностей, а для обмена. Работник же в обмен на идущий к нему в потребление товар может дать только свою рабочую силу. Его рабочая сила тогда тоже товар, а такое товарное производство, при котором и рабочая сила является товаром, называется капитализмом. Переход к капитализму поэтому логически следует из посылки о том, что предметы потребления при социализме — товары. Ошибочно и утверждение, что при социализме действует закон стоимости. Ведь закон и сущность — категории однопорядковые. Поэтому утверждение о действии при социализме закона стоимости равносильно утверждению о товарной сущности социалистического производства. Не случайно, что Кронрод, Либерман, Ракитский, Петраков, Абалкин и другие «толкачи» товарного производства при социализме ухватились именно за эти отступления от строго выдержанной марксистской теории, допущенные Сталиным, возвели их в принцип и посредством рыночно ориентированных экономических дискуссий готовили ликвидацию социализма.

Контрреволюционные события в СССР подтвердили, что либо мы имеем социализм как непосредственно общественное производство — производство потребительных стоимостей, регулируемое законом потребительной стоимости, либо имеем дело с производством стоимости, то есть с товарным производством, естественным развитием которого является товарно-капиталистическое производство. Можно, конечно, говорить о том, что и при социализме есть товарное производство в виде индивидуального производства на колхозный рынок. Это так. Но цены на колхозном рынке регулируются не пресловутым законом стоимости, а ценами на продукцию государственных предприятий. Цены же на продукцию государственных предприятий определяются планомерно на основе затрат труда на производство с учетом потребительной стоимости непосредственно общественных продуктов.

Социалистическое производство есть непосредственно общественное производство, производство потребительной стоимости, а не стоимости. Товарность есть в нем лишь как его отрицательный момент. Это научная истина. Попытка построить социалистическое товарное хозяйство, то есть вернуться к производству стоимости, неизбежно ведет к уничтожению социализма. Теперь это

не только научно установленный, но, увы, и опытным путем, исторически проверенный факт.

Социализм, следовательно, — непосредственно общественное хозяйство. Это не производство товаров, стоимостей, а производство непосредственно общественных продуктов, потребительных стоимостей. Соответственно и регулятором социалистического производства является не закон стоимости, а закон потребительной стоимости.

Что это означает применительно к социализму как первой фазе коммунистической формации? Это означает, что поскольку цель социалистического производства — обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества, развитие трудящихся как членов общества диктуется целью производства. Если капиталистическое товарное производство как производство прибавочных стоимостей требует отнимать у трудящихся свободное время и другие условия их свободного развития, то социалистическое непосредственно общественное производство требует достигнутую за счет технического прогресса экономию рабочего времени превращать не только в дополнительные материальные блага для работников, но и в дополнительное свободное время для их всестороннего развития, в том числе и для развития их как участников государственной жизни и государственного управления. К сожалению, этого-то в последние десятилетия существования СССР как раз не происходило.

Задача социализма состоит вовсе не в том, чтобы лишь провозглашать власть трудового народа, а в том, чтобы трудовой народ имел реальную, практическую возможность осуществлять эту власть. Если рабочий восемь часов стоит у станка и может принять участие в управлении государством только по окончании рабочего дня, когда закрываются двери Советов и исполкомов, райкомов и горкомов, то тогда народная власть лишь провозглашается, и остается лишь надеяться на то, что наемный аппарат государственных служащих будет все же (почему-то) действовать не в своих особых, а именно в интересах рабочего класса и всего общества в целом. Однако будучи бесконтрольным, аппарат управления настолько поражается болезнью бюрократизма, что неизбежно перерождается и из средства управления в интересах трудящихся превращается в свою противоположность. Что мы и видим на примере печальных и трагических событий в нашей стране.

Размышляя теперь о путях возрождения Советской власти, мы не можем думать только о том, как возродить Советы и восстановить Советскую власть. Можно поставить вопрос и по-другому, стоит ли ее устанавливать, если она вновь переродится во власть номенклатуры, а народ, пожив какое-то время по-человечески, вновь будет ввергнут в пучину лишений и нищеты какими-нибудь новыми горбачевыми и яковлевыми. Если уж возрождать Советскую власть, то на такой экономической основе, которая бы укрепляла Советскую власть, способствовала бы усилению Советского государства и тем самым, с расширением участия трудящихся в государственном управлении, и отмиранию всякого государства вообще, переходу к коммунистическому общественному самоуправлению.

Вопрос об участии трудящихся в осуществлении своей, Советской, власти, мы должны ставить и решать не как идеалисты, а как материалисты. Дело не только в том, чтобы призвать трудящихся к участию в государственном управлении, а прежде всего в том, чтобы у них для этого было время, и не за пределами рабочего дня, притом время, оплачиваемое по среднему заработку. Вот это и будет выражением того, что трудящиеся — не наемные работники у стоящего над ними государства, а полноправные собственники общественных средств производства.

История революции и контрреволюции в России показала, что прогресс в развитии производительных сил, в росте производительности труда должен сопровождаться не уменьшением численности непосредственных производителей и соответственным увеличением численности работников непроизводственной сферы, а увеличением свободного времени рабочих и крестьян, в том числе времени, свободного для участия в государственном управлении. Численность рабочих и крестьян может вообще не уменьшаться вплоть до полного уничтожения классов, вплоть до полного коммунизма. Важно лишь, чтобы с развитием производства росло не только материальное богатство общества, но увеличивалось свободное время всех работников как время для их свободного развития. И как только количественно свободное время превысит рабочее время, определяющим для человека будет не то, что он делает в свое рабочее время, а то, что он делает в свое свободное время. Это и будет означать полное уничтожение классов, то есть разделения людей на группы в зависимости от положения в производстве.

Таким образом, для развития социализма и укрепления Советской власти нужно не такое производство, которое пожирало бы свободное время работников и производило стоимость, а такое, которое бы производило потребительную стоимость, в своем развитии обеспечивало бы экономию рабочего времени и предполагало бы превращение сэкономленного времени в свободное время непосредственных производителей. Цель такого производства — обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего, в том числе и политического, развития всех членов общества. Эта цель социалистического производства не случайно была записана и в первой, и во второй Программе ленинской большевистской партии. Ленинская формулировка цели социалистического производства исчезла при составлении третьей — хрущевской — ревизионистской программы партии, принятой XXII съездом КПСС в 1961 году. На арену выходил зарождающийся в недрах партии класс номенклатурных собственников.

В непосредственно общественном хозяйстве при производстве предметов потребления и средств производства имеются существенные различия. И те и другие, и предметы потребления, и средства производства суть не товары, а непосредственно общественные продукты, но их общественная роль неодинакова — производство предметов потребления создает материально-вещественные условия все более полного развития членов общества и сокращения социального неравенства между ними, а производство средств производства служит напрямую экономии рабочего времени и может рассматриваться как производство свободного времени для свободного развития всех членов общества. По отношению к предметам потребления сокращение затрат труда на их производство выступает как результат внедрения трудосберегающей техники, и экономия труда передается потребителям через снижение цен.

Можно сказать, что техника с экономической точки зрения больше ни для чего не нужна, кроме как для экономии рабочего времени или, другими словами, всякая экономия, которую она дает, сводится к экономии рабочего времени. Средства производства в социалистическом непосредственно общественном хозяйстве производятся не для того, чтобы их продать и получить стоимость, а для того, чтобы сэкономить труд тех, кто будет применять эту технику, то есть труд ее потребителей. Потребительная стоимость техники — это экономия труда тех, кто работает с этой техникой, кто заменил этой техникой прежние, менее трудосберегающие экземпляры.

Экономия труда у потребителей техники позволяет им распорядиться этой экономией двояко — не только выпустить дополнительное число предметов

потребления, но также при этом сократить рабочее и увеличить свободное время. Не исключена ситуация, когда непосредственные трудозатраты на производство техники возрастают. Но действительно новой, прогрессивной техникой можно по критерию ее потребительной стоимости считать только такую, которая дает у потребителей экономию труда большую, чем возрастают затраты на ее производство. Другими словами, итоговая, результирующая, чистая экономия в результате замены техники, то есть валовая экономия за вычетом затрат труда на производство и эксплуатацию техники, должна быть положительной.

Можно сказать, что по пути производства потребительной стоимости так или иначе, но идет сегодня и товарно-капиталистическое производство, которое является непосредственно производством прибавочной стоимости. Но в том-то и дело, что это имеет место не в соответствии, а в противоречии с его товарной, стоимостной сущностью. Капиталист непосредственно стремится к увеличению стоимости производимого продукта ради увеличения прибавочной стоимости, и как производство абсолютной прибавочной стоимости капиталистическое производство стремится поглотить все время непосредственных производителей. Как производство относительной прибавочной стоимости капиталистическое производство стремится передвинуть границу между необходимым и прибавочным трудом таким образом, чтобы увеличивалась прибавочная стоимость и делает это путем развития производительных сил на основе технического прогресса. Но экономию труда капитализм стремится использовать не для увеличения свободного времени всех членов общества, а для увеличения стоимостного богатства и свободного времени собственников средств производства — капиталистов. Рабочим же сокращения их рабочего времени и увеличения свободного приходится добиваться стачечной борьбой. На повестке дня в Европе 35-часовая рабочая неделя, которую некоторые профсоюзы сделали своим требованием. Можно сказать, что вопрос сокращения рабочего времени без уменьшения заработной платы – это вопрос столкновения по существу классового рабочего профсоюзного движения с силами капитала. Это и вопрос противоборства коммунистов с социал-демократией и оппортунизмом.

Укрупнение монополий означает, что расширяются те острова, где не действует стоимостной принцип и господствует потребительностоимостной. Это, конечно, не острова социализма, так как речь идет о планировании в рамках монополий и установлении внутримONOполистических трансфертных цен. Тем не менее товарно-капиталистическое производство по мере своего развития постепенно втаскивается в иной — потребительностоимостной мир, хотя в целом остается миром господства стоимости. Прогресс производительных сил в рамках капитализма, подспудно идущая работа по экономии общественного труда создают объективные предпосылки для того, чтобы рабочий класс вместе со своими союзниками сначала вернул себе достаточно свободного времени для организации революционной борьбы, затем взял власть и использовал ее для экономического переворота — для обобществления сконцентрированных монополиями средств производства, для перехода от производства стоимости к производству потребительной стоимости и для закрепления потребительностоимостной ориентации производства.

Критерием деятельности государственных предприятий при социализме должна быть не прибыль, а противоположная ей величина — экономия труда.

Показателем оценки работы предприятий, выпускающих предметы потребления, должна стать сумма снижения цен на выпущенную продукцию, позволяющая потребителям меньше трудиться для получения прежнего набора благ.

Предприятия же, производящие средства производства, должны оцениваться по той экономии труда, которую получают потребители выпускаемой ими техники.

Производители предметов потребления таким образом будут материально поощряться за удешевление продукции и увеличение ее количества, и всякий новый предмет потребления, лучше удовлетворяющий данные потребности или удовлетворяющий новые потребности, как только производство его будет освоено, также попадет в поле снижения цен и увеличения количества производимых продуктов. Производители средств производства будут поощряться в прямой зависимости от той экономии, которую получают потребители их продукции в процессе ее применения. И пусть богатеют производители, но за счет обогащения общества, всех его членов.

Если будет расти богатство общества и увеличиваться свободное время его членов, основа для участия в формировании и осуществлении Советской власти будет становиться более прочной. Сама экономика будет способствовать усилению и укреплению Советской власти.

Таким образом, экономической основой развивающейся и укрепляющейся Советской власти является непосредственно общественное производство — производство потребительной стоимости.

Контрреволюционные события в России, временная потеря власти трудящимися заставляют к вопросу возрождения народной власти подходить несколько по иному, чем ранее. Какой должна стать власть трудящихся, чтобы ее было труднее расшатать и разрушить — вот как стоит вопрос сегодня. Причем какой она должна быть, чтобы ее нельзя было разрушить не только в ближайшее время после ее установления, но и через десятки лет, чтобы не повторился в очередной раз контрреволюционный переворот тогда, когда, казалось бы, сама возможность его ушла в глубокое прошлое.

Социалистическая власть должна быть по сути своей диктатурой пролетариата. Это общий ответ на поставленный вопрос. И этот ответ классики марксизма ставили себе в особую заслугу. По этому вопросу проходит водораздел между марксистами и ревизионистами. И отказ от признания диктатуры рабочего класса равносителен отказу от марксизма и социализма. История подтвердила эту истину вполне, в том числе и история Советского Союза. Ревизионистский переворот произошел на XXII партсъезде, выбросившем из партийной программы коренное положение марксизма — о диктатуре пролетариата. Но надо усвоить и столь трудно доставшийся нам вывод о том, что без советской формы организации диктатуры рабочего класса её трудно удержать.

Можно сказать, что сегодня после периода всеобщего ревизионистского заражения, катализатором которого послужила хрущёвщина, во всем мире успешно идет становление новых коммунистических и рабочих партий, которые извлекли урок из попыток отказа от главного в марксизме и положили учение о диктатуре пролетариата в основание своих программ и всей своей теоретической и практической политической деятельности.

И все же, как говорится, радоваться рано. Само по себе признание диктатуры пролетариата еще недостаточно. Надо еще признать и ту организационную форму, которая ей соответствует и благодаря которой диктатура пролетариата не разрушается, а укрепляется и развивается в коммунистическое общественное самоуправление, обеспечивая уничтожение деления общества на классы, а вместе с ним и отмирание государства как организованного насилия одной части общества над другой.

История показала, что соответствующей диктатуре рабочего класса организационной формой государственной власти является не власть, избираемая по территориальным округам, а власть, формируемая в трудовых коллективах. Когда во Франции в 1871 г. впервые в истории была установлена диктатура пролетариата, адекватная диктатуре пролетариата форма власти себя

еще не проявила. Сущность диктатуры пролетариата как власти класса городских, фабрично-заводских, промышленных рабочих явила себя в Париже в 1871 году впервые и, не успев закрепиться в соответствующей форме, исчезла с исторической сцены как пролог другой, Великой Октябрьской социалистической революции в России 1917 года, установившей диктатуру рабочего класса в форме Советской власти.

Российская революция явила собой достойный подражания образец длительной исторической работы рабочего класса и его партии в недрах старого строя над созданием новой власти. Сначала в 1905 г. в итоге забастовочной борьбы иваново-вознесенских рабочих были открыты Советы. Не только как органы руководства забастовочной борьбой, но и как органы народной власти, являющейся по сути своей диктатурой рабочего класса. Если бы рабочий класс России не сделал этого всемирно-исторического открытия, дело социалистической революции, дело создания и развития социализма было бы делом ненадежным.

Суть в том, что единственной материальной основой социализма является крупная машинная индустрия, и если народная власть не связана с ней, не базируется на ней, не черпает прямо и непосредственно из нее силы для своего укрепления и развития, она рано или поздно будет сметена превосходящими силами классового противника. И напротив, если она прочно базируется на фабриках и заводах, если она растет и укрепляется вместе с развитием экономики, дело Советской власти, дело диктатуры рабочего класса, дело социализма становится делом исторически непобедимым.

Диктатура рабочего класса, таким образом, является противоположностью диктатуры буржуазии не только по существу, но и по форме своей организации. Буржуазия организует свою власть по видимости как всенародную, осуществляет избрание депутатов в парламент на основе всеобщего избирательного права, но по территориальным округам, где господствует власть денег. И хотя избрание отдельных представителей трудящихся в парламент и при такой форме власти удастся осуществить, власти трудящихся при такой системе организации выборов достичь невозможно.

На философской стороне этого вопроса стоит остановиться. Исторический материализм учит, что общественное бытие определяет общественное сознание. Это означает, что экономический строй общества определяет его идеологическую надстройку. Буржуазному господству в сфере экономики соответствует и господство буржуазной идеологии в общественном сознании. Голосуют же люди, руководствуясь своим сознанием, так что при всеобщем избирательном праве и всеобщем голосовании большинство голосов будет отдано кандидатам буржуазии. Опыт подтверждает это практически без исключений. И этот же опыт говорит, что если вдруг избирательная машина даст сбой, то в ход будут пущены иные, в том числе силовые средства, ибо они также в руках господствующего класса и он их без ожесточенной борьбы иному классу, конечно, не отдаст. Как же быть в этой ситуации? Значит ли это, что нужно отказаться от участия в выборных компаниях и избирательной борьбе? Нет, не значит. Другое дело, что на участие в выборах в представительные органы и в их деятельности надо смотреть как на одно из средств организации трудящихся, ведя дело к созданию Советов, базирующихся на фабриках и заводах, к поддержке их деятельности не только с помощью профессиональных союзов и партии рабочего класса, но и с помощью депутатов, имеющих право и возможности работы в трудовых коллективах. Однако избирательная и парламентская деятельность не может быть ядром политической деятельности действительно революционной партии. Ядром ее работы должна быть организация рабочего классового профсоюзного

движения, борьба рабочего класса не только за ближайшие, но и за коренные, долговременные интересы с ориентацией на создание в перспективе Советов как будущих органов новой, социалистической власти, и в то же время органов коллективного самоуправления трудящихся, органов их борьбы за самые насущные интересы. Этим целям должна быть подчинена и организация парламентской борьбы.

Только тогда, когда в условиях революционной ситуации на крупнейших предприятиях будут функционировать забастовочные комитеты или другие авторитетные органы рабочего самоуправления, сформированные из представителей коллективов подразделений, когда они будут связаны друг с другом в масштабах городов и областей через городские и областные Советы или комитеты, а в масштабах страны — через Совет или Комитет рабочих, объединяющий представителей рабочих организаций, когда они создадут свои органы поддержания порядка и противодействия насилию — рабочие дружины, только тогда вопрос о переходе власти к Советам, как бы они при этом ни назывались, может встать в практической плоскости. Без этого все разговоры об изменении характера власти — пустая болтовня.

Характерно, что в России в 1917 году одновременно шли два избирательных процесса — избирали в Учредительное собрание и в Советы. Выборы в Учредительное собрание дали большинство мелкобуржуазным партиям меньшевиков и эсеров, а выборы в Советы — большевикам, партии рабочего класса. Большевики правильно делали, что не отказывались от выборов в буржуазный парламент и использования возможностей выборной кампании для своей агитации, но агитировали они прежде всего за создание Советов и затем за переход к Советам всей власти.

Опыт нашей революции учит, что социалистической революции предшествует период двоевластия, когда одновременно существуют орган буржуазного господства — буржуазный парламент — и органы будущей новой власти — Советы, съезд которых, собрание или комитет представителей призваны установить новую власть.

При наличии Советов как органов будущей власти, готовых к исполнению функций нового государственного аппарата, создается ситуация, которая облегчает революционный переход от власти буржуазии к власти рабочего класса, от буржуазного парламента к власти Советов. Если же Советов, поддержанных рабочими дружинами, нет, а в ходе забастовок выдвигается требование об отставке правительства, президента или того и другого, то даже если такая отставка произойдет, это не изменит сути власти. Ведь смена лиц не означает смены класса у власти. Разъясняли же и даже разжевывали Маркс, Энгельс и Ленин как для маленьких детей, что нельзя просто взять старую государственную машину и пустить в ход для новых целей. Надо ее сломать, разбить и построить новый государственный аппарат, способный осуществлять интересы рабочего класса. Советы, избираемые в трудовых коллективах, как бы в разных странах они ни назывались, и представляют собой этот новый государственный аппарат, приходящий на смену старому, буржуазному.

Однако эти истины очень трудно внедряются в умы, и очень многие по-прежнему верят в сказки об избрании нового, хорошего президента и назначение нового, хорошего правительства. Что же касается самих парламентариев, то их наиболее распространенная болезнь — парламентский кретинизм, выражающийся в наивной вере, что в стенах парламента можно решить коренные вопросы жизни народа. На самом же деле коренные вопросы жизни народов всегда решались за рамками парламента, самой ожесточенной классовой борьбой, а то и гражданской войной. И чем меньше предаются парламентарии иллюзиям рабочие

и крестьяне, создающие свои Советы, чем лучше они организованы и подготовлены, чтобы сломить неизбежное сопротивление буржуазии, тем меньше опасность гражданской войны. Наоборот, если озаботиться тем, как разоружить рабочих и как убаюкать их сказочками о добропорядочных и честных буржуа, неизбежно самое зверское избиение народа. Это вполне подтвердили события в Чили и в России.

Таким образом, диктатура рабочего класса в качестве своей организационной формы имеет власть Советов, избираемых в трудовых коллективах. Это проявляет себя не только в период установления и утверждения новой власти, но это верно и применительно ко всему периоду социализма до полного уничтожения классов и отмирания государства. В разработанной В.И. Лениным и принятой VIII съездом РКП(б) Программе партии было записано: «избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика)».

Как это организовать практически? Например, так. В коллективах предприятий по подразделениям выбираются Советы коллективов с правом отзыва и замены их членов в любое время по инициативе избравшего их коллектива подразделения. Из представителей Советов предприятий образуются городские, областные Советы также с правом отзыва и замены в любое время представителей Советов предприятий по инициативе направившего их Совета. Съезд Советов или Комитет представителей городских и областных Советов образует высший законодательный орган власти, назначающий правительство и определяющий внутреннюю и внешнюю политику страны. Время участия рабочих в организации Советов, в контроле за их деятельностью и время исполнения депутатами своих депутатских обязанностей оплачивается по среднему заработку.

Как при этом обеспечить равное представительство? Численность трудовых коллективов ведущих предприятий может быть взята за масштаб для установления единой для города нормы представительства. Скажем, если от 1 тыс. работников направляется в городской Совет 1 человек, то при численности трудового коллектива в 5 тыс. человек он избирает 5 депутатов. И наоборот, если численность коллектива менее тысячи человек, он объединяется с другими малыми коллективами до размеров тысячного производственного округа. Для работающих в мелких организациях норма представительства может быть установлена от определённого числа членов профсоюза.

Неработающие граждане при этом могут либо включаться в какой-либо производственный округ (по месту прежней работы, например, или по принципу территориальной близости), либо направляют представителей от комитетов неработающих граждан по единой норме представительства, так чтобы каждый такой депутат представлял, скажем, 1 тысячу неработающих граждан. Тем самым обеспечивается всеобщее избирательное право.

При этом, если Совет основной ячейки государственного строительства – завода или фабрики, отзывает своего представителя из городского Совета, то он автоматически лишается соответствующего мандата, а, заодно и права представлять городской Совет в высшем органе государственной власти, если такое право ему было дано. Практическая осуществимость и легкость отзыва депутатов, избранных трудовыми коллективами, позволяет вести эффективную борьбу с карьеризмом и бюрократизмом и постепенно, на основе не только программ и обещаний, но, главное, практического опыта отбирать наиболее соответствующих интересам и власти рабочего класса членов представительных органов государственной власти.

При этом желательно депутатов сделать полуосвобожденными. Если рабочий из 5 рабочих дней 3 дня в неделю будет депутатствовать, он уже не будет рабочим,

оторвется от коллектива, но не станет и интеллигентом, профессионалом, превратится в объект для манипулирования со стороны прожженных политиканов. Если депутат-рабочий вообще не будет иметь свободных дней для своей депутатской деятельности, он превратится в свадебного генерала — депутата, которого по праздничным дням сажают за стол президиума, чтобы он олицетворял единение власти с народом. Самое же правильное, чтобы депутат, оставаясь работать по своей специальности, имел достаточно времени для приобретения профессиональных навыков в области государственного управления. Скажем, если рабочий 3 дня в неделю стоит за станком, а 2 дня занимается организацией трудящихся как депутат Совета, то он и от коллектива не оторвется, и постепенно освоит премудрости управленческого труда, включая и пользование ЭВМ и современными средствами связи. Разумеется, эти 2 дня, которые рабочий не занят материально производительным трудом, должны ему оплачиваться.

Между прочим уже и в практике современного капитализма имеются предпосылки этого. Законом «О правовом режиме предприятия» в ФРГ предусмотрено, что на каждом предприятии с числом работников не менее пяти избирается производственный Совет, деятельность в этом Совете совершается в рабочее время с оплатой по среднему. Передовая буржуазия понимает, что сегодня, когда определяющим в экономике является внедрение достижений научно-технического прогресса, без заинтересованного участия в этом процессе непосредственных производителей научно-технический прогресс, а, следовательно, и экономика будут буксовать. Другое дело, что в ФРГ производственные Советы в своей компетенции строго ограничены узкопроизводственными вопросами и не имеют выхода ни к аналогичным Советам других предприятий, ни к какому-либо единому координирующему органу и лишены прав проводить политическую работу. Для буржуазии они служат одним из инструментов распространения среди трудящихся оппортунистических настроений «общественного консенсуса», «социального партнерства», «трудового мира», «классового сотрудничества» и затушевывания классовой борьбы.

Потребительстоимостная основа производства обеспечивает и предполагает предоставление депутатам трудовых коллективов времени для осуществления управленческих функций. Но если такое время есть лишь у депутатов, они все равно отрываются от коллективов, а коллективы не могут играть основополагающую роль. Ведь надо контролировать своих депутатов, надо давать им наказания и надо своевременно отзываться тех, кто не выполняет волю избравшего их коллектива. Все это предполагает время, причем рабочее и оплачиваемое по среднему. Такое время должно предоставляться каждому работнику как минимум для участия в ежемесячном собрании коллектива с отчетом депутата.

Только тогда, когда будут налажены контроль избирателей за своим избранным и участие непосредственных производителей в деятельности государственных органов, Советская власть с полным правом сможет называться властью рабочих и крестьян. Если деятельность самих рабочих, крестьян, интеллигентов будет подменена деятельностью наемников — профессионалов, без которых, конечно, ни в коем случае обойтись нельзя, тогда мы вновь можем получить такую ситуацию, что реальную власть будут иметь не законодательные, а исполнительные органы и Советы явятся своего рода ширмой, прикрытием для тех, кто за ними или от их имени обделывает свои делишки. Тогда возможен очередной рецидив восстановления частнособственнических порядков, от которых сегодня страдает наш народ.

Отсюда следует, что расширяющиеся с развитием производства потребительных

стоимостей возможности в плане создания все более благоприятных материальных условий для участия всех членов общества в государственном управлении должны эффективно использоваться, а это, в свою очередь, будет способствовать развитию потребительностоимостного производства. Главное богатство общества — свободное время — будет все время расширяться и справедливо распределяться, не будучи узурпировано управленческой или интеллектуальной элитой. Вот тогда и будет идти процесс постепенного уничтожения классов и приближения к тому состоянию, когда все члены общества являются работниками, причем каждый уникален и каков он, определяется не тем, чем он занимается в рабочее время, а тем, что делал и делает в свободное время, которое есть время для свободного развития. Вот это и будет действительный скачок из царства необходимости в царство свободы. Известна истина о том, что есть три вида рабов. Один из рабов — это просто раб, он влачит свое жалкое существование, повинясь воле судеб. Другой — настолько свыкся со своим рабским положением, что у него даже слюнки текут по поводу того, какой у него хороший хозяин, хороший господин. Это не просто раб, это холоп, хам. И есть третий вид раба — тот, который поднялся на борьбу со всей системой рабства и, хотя рабство еще не уничтожено, он уже не раб, он — революционер. До сих пор мы говорили о материальных условиях и основаниях участия трудящихся в управлении и самоуправлении, об устройстве Советской власти, но, разумеется, никто не даст нам избавленья от старой буржуазной власти, ни бог, ни царь и ни герой. Дело освобождения трудящихся — это дело самих трудящихся. На стороне их справедливой борьбы и общая логика исторического прогресса, и наиболее просвещенные деятели науки и культуры. Однако без активной, сознательной, решительной и настойчивой борьбы рабочего класса за свои интересы ни создать Советской власти, ни удержать её нельзя, без такой борьбы невозможно ни создавать, ни развивать экономику социализма. И эта борьба ведется, будет вестись и станет победоносной, если коммунистические партии обеспечат правильное руководство этой борьбой.

© ПОПОВ М.В Авторское право 2010.

Перепечатано с <http://www.iccr.gr/site/ru/issue2/-----.html>